

Сурин Владимир Владимирович, к.ю.н., доцент,
декан факультета внебюджетного образования,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России,
г. Пермь

ДИНАМИКА ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ THE DYNAMICS OF THE OBJECT OF PENAL LAW RELATIONS

Аннотация: с точки зрения практически любого правового подхода, объект правоотношения относится к ключевым характеристикам, определяя сферу правового регулирования отдельно взятой отрасли права. Вместе с тем, быстро меняющаяся общественно-правовая действительность диктуют необходимость в постоянной корректировке данного вопроса.

Abstract: from the point of view of almost any legal approach, the object of a legal relationship refers to key characteristics, defining the scope of legal regulation of a particular branch of law. At the same time, the rapidly changing social and legal reality dictates the need for constant adjustment of this issue.

Ключевые слова: исполнение наказаний, правоотношения, общество, объект правоотношения, развитие правового регулирования

Keywords: execution of punishments, legal relations, society, object of legal relations, development of legal regulation

Вопрос об объекте правоотношения является принципиальным и с точки зрения разграничения одной отрасли права от другой. Не является исключением и уголовно-исполнительное право. На первый взгляд картина достаточно проста – есть процесс исполнения наказаний, его регламентирует уголовно-исполнительное законодательство. Однако, в пенитенциарной науке до сих пор идёт достаточно оживлённая дискуссия об объёме и характере общественных отношений, подлежащих регламентации рассматриваемой отраслью права.

Согласно «классическому» подходу, объектом правового регулирования уголовно-исполнительного права являются общественные отношения, складывающиеся в процессе исполнения и отбывания уголовных наказаний. Однако, объём правоотношений, складывающийся в этой сфере, существующие законодательные акты и практика их применения сегодня уже не вкладываются в «классические» рамки. В чём же причина такой ситуации. Ответив на этот вопрос, мы сможем приблизиться к решению следующей, не менее важной проблемы, в каком же направлении сегодня должно развиваться пенитенциарное право, какого характера правоотношения регламентировать?

Одна из широко обсуждаемых проблем связана с целесообразностью включения в объект правового регулирования уголовно-исполнительного права правоотношения, складывающиеся в процессе применения меры пресечения в виде заключения под стражей. В данном вопросе наблюдается достаточно пёстрая палитра мнений. Согласно одной позиции, правоотношения данного рода носят «промежуточный» характер и разделяют уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные фазы процесса реального привлечения виновного к уголовной ответственности. К этой же группе мнений можно отнести модель согласно которой в процессе избрания рассматриваемой меры пресечения правоотношения носят уголовно-процессуальный характер, а в процессе их реализации на практике – уголовно-исполнительный [1]. Некоторые авторы высказывают мнение, что специфика данных взаимосвязей такова, что позволяет отнести их к правоотношениям особого рода [2]. Существуют и другие точки зрения.

Право, как таковое, представляет ценность как важный регулятор взаимоотношений в обществе. Для выполнения своей функции правовые институты должны быть понятны для граждан, реально выполнимы и достаточно эффективны. С целью достижения такого состояния, с нашей точки зрения, необходимо учитывать не только формально-юридический подход, но и реальное положение вещей. На практике меру пресечения в виде заключения под стражу осуществляют подразделения уголовно-исполнительной системы, сотрудники которой несут службу в соответствии с нормами, прежде всего, уголовно-исполнительного законодательства. В следственных изоляторах содержатся многие категории осуждённых (пусть даже кратковременно). По этому, практически не возможно реально разделить общественные отношения, складывающиеся в рамках реализации меры пресечения и уголовно-исполнительные правоотношения в виду их взаимопроникновения и сложного переплетения. Учитывая данное обстоятельство, мы считаем оправданным отнести рассматриваемые правоотношения к уголовно-исполнительным. Это позволит сделать содержание уголовно-исполнительного законодательства более стройным, а значит, будет способствовать повышению эффективности правоприменения.

Как справедливо замечают многие специалисты [3], ч.2 ст. 2 УИК РФ в качестве уголовно-исполнительных рассматривает правоотношения складывающиеся в процессе реализации мер уголовно-правового характера, при этом не конкретизируя каких именно. Такое положение создаёт неоднозначную ситуацию, правомерно поставить вопрос, а что же конкретно понимать под мерами уголовно-правового характера. В особенной части кодекса, по мимо исполнения наказаний, регламентируется реализация лишь таких мер как осуществление контроля за условно осужденными лицами и отсрочку отбывания наказаний некоторым категориям осуждённых, а так же процедура освобождения от наказания и помощи осуждённым. В этой связи возникает явное противоречие между декларированными задачами и их реализацией. Справедливо поставить вопрос, а разве иные меры уголовно-правового характера не должны регламентироваться уголовно-исполнительным правом?

Вышеуказанное противоречие не является единственным, налицо отсутствие согласованности содержания уголовно-исполнительного и уголовного законодательства. Раздел VI уголовного закона к иным мерам уголовно-правового характера относит лишь: принудительные меры медицинского характера; конфискацию имущества; судебный штраф. При этом уголовный кодекс напрямую не относит к мерам уголовно-правового характера вышеописанные процедуры, регламентированные уголовно-исполнительным законодательством. И это ставит ещё больше вопросов.

Следуя логики содержания ч.2 ст. 2 УК РФ, меры уголовно-правового характера (наряду с наказанием), назначаются за совершенное преступление. Они рассматриваются как реакция государства на факт нарушения охраняемых законом правоотношений. В этом смысле было бы логично, если бы уголовно-исполнительное законодательство регламентировало бы исполнение следующих мер: конфискацию имущества; судебный штраф условное осуждение; отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет; отсрочку отбывания наказания больным наркоманией; принудительные меры воспитательного воздействия; принудительные меры медицинского характера. Именно данные процедуры по логике закона и должны считаться мерам уголовно-правового характера.

Безусловно, мы поддерживаем позицию [4] «синхронизации» требований уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Необходимо стремиться к упразднению противоречий в их содержании. Уголовно-исполнительным законодательством должна регламентироваться реализация именно тех наказаний и мер уголовно-правового характера, которые напрямую указаны в уголовном кодексе Российской Федерации. Это, безусловно, будет способствовать повышению качества правоприменительной деятельности. Учитывая

вышеизложенное, очевидна необходимость конкретизации объекта уголовно-исполнительных правоотношений в области реализации мер уголовно-правового характера.

Традиционно, конкретные отраслевые законодательные акты закрепляют сферу своего правового регулирования. С одной стороны, это полезно и удобно, поскольку помогает, прежде всего, правоприменителю подобрать необходимый комплекс правового регулирования в конкретной ситуации. С другой стороны, и практика нередко показывает это, чрезмерно подробная регламентация данного аспекта не целесообразна. И этому есть объяснение, во-первых, часть общественных отношений находится на стыке правового регулирования различных отраслей, имеют комплексную природу, во-вторых, развитие общественных отношений всегда динамичны, некоторые взаимосвязи утрачивают свою актуальность, другие начинают требовать к себе внимания со стороны правовых институтов. Примером могут служить общественные отношения, складывающиеся в процессе исполнения и отбывания наказаний, связанные с передачей, обработкой, хранением информации. Безусловно, согласно современным подходам правоотношения данного рода можно отнести к информационным. Согласно требованиям ч.1 ст. 1 Федерального закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ, сфера применения информационных технологий относится к предмету правового регулирования информационного законодательства. В качестве примера можно рассмотреть Приказ Минюста России от 19.09.2017 N 170, который определяет особенности применения технических средств надзора и контроля к осужденным к принудительным работам, в частности, речь идёт об использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средствах контроля и надзора. С другой стороны, упомянутый документ, регламентирует вопросы, связанные с процессами исполнения уголовных наказаний и является частью уголовно-исполнительного законодательства. И это только один из многочисленных примеров данного рода. Таким образом, в настоящее время существует достаточно большое количество уголовно-исполнительных правоотношений, имеющих «информационную» природу и могут рассматриваться не только как источники уголовно-исполнительного, но и информационного права. Ранее мы уже указывали на данную особенность [5, с. 247 – 255]. В правоотношениях данного рода информационные процессы могут рассматриваться и как объекты информационных и как объекты уголовно-исполнительных правоотношений.

Учитывая вышеизложенное, мы считаем, что в современной обстановке быстроизменяющихся правоотношений, подробная регламентация сферы правового регулирования уголовно-исполнительного права, наверное, излишня. Закон должен определять лишь концептуальные направления применения уголовно-исполнительного норм.

Список литературы:

1. Советское исправительно-трудовое право. Под ред. проф. Н.А. Стручкова и др. – Москва: б. и., 1979. С. 349
2. Уголовно-исполнительное право. Особенная часть: Учебник / Под общ. ред. Г.А. Корниенко. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 806.
3. Южанин В.Е. Перспективы расширения предмета отрасли уголовно-исполнительного права // «Lex russica», 2019, N 10.
4. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: современный взгляд: Монография. М.: Юриспруденция, 2017. С.211.
5. Сурин В.В. Развитие уголовно-исполнительного законодательства: информационный аспект // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): сб. тез. выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.): в 10 т. – Рязань: Академия ФСИН России, 2019. Т. 2: Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. – 2019. – 338 с. С. 247 – 255

